

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Социальный класс в рассказе
«Нанятая девушка» Элис Монро

Цель: изучить разницу между двумя редакциями рассказа Элис Монро «Нанятая девушка» посредством ознакомления с сопоставительным анализом Ислы Дункан.

Ключевые слова: класс, социальный конфликт.

Составители антологии Джулия Ривкин и Майкл Райан предлагают ознакомиться с анализом двух версий рассказа канадской писательницы, лауреата Нобелевской премии Элис Монро «Нанятая девушка». Этот сравнительный анализ осуществлен доктором Ислей Дункан, которая преподает канадскую литературу и современную женскую литературу.

Предметом анализа И. Дункан становятся две версии одного рассказа, первая из которых была опубликована в 1994 году, а вторая вышла в свет спустя 12 лет в измененной редакции. Обе версии «Нанятой девушки» изображают столкновение между социальными классами, но предлагают разное видение конфликта, образа главной героини-рассказчицы, а также разную трактовку и оценку событий как со стороны героини, так и автора.

Предметом анализа Ислы Дункан являются те изменения, которые Элис Монро внесла в свое повествование. Эти изменения, убеждена Исла Дункан, заслуживают подробного анализа, поскольку они демонстрируют целеустремленное желание автора сделать проблему социального неравенства более заметной темой в своем творчестве.

Личные впечатления

Элис Монро выросла в Онтарио. Перед отъездом в университет будущая писательница работала горничной у состоятельной семьи. Монро говорит: «Это был очень важный опыт, потому что я видела всевозможные классовые проявления. Быть слугой в доме, (значит) видеть окружающий вас и окружающий их мир словно через барьер, который поразил меня».

Этот поразивший Элис еще в ранней юности барьер, некая невидимая, но осязаемая граница между миром богатых и миром бедных станет предметом изображения во многих рассказах писательницы, в том числе рассказе «Нанятая девушка».

Существует несколько заслуживающих внимания отличий между версией «Нанятой девушки» 1994 года и версией, опубликованной в 2006 году. Основываясь на дисциплинах литературной лингвистики, прагматики и теории вежливости, Исла Дункан рассматривает эти различия, сосредоточив свое внимание на изображении миссис Монтжой и ее обращении со служанкой; взаимодействии рассказчицы с другими персонажами; ее комментариях о своем статусе и положении, характере ее самосознания, данном в финале повествования. Во второй редакции этого рассказа Монро обостряет понимание рассказчицей классовой разницы, делая ее более заметной проблематикой для читателя.

«Нанятая девушка»

Авторитет хозяйки и послушание работника отражены в синтаксисе первого предложения, в котором миссис Монтжой выступает субъектом, а повествователь косвенным объектом. Читатель узнает, что хозяйка наняла горничную и теперь везет ее на лодке на остров, куда семейство Монтжой перебралось на лето.

В качестве одного из средств характеристики выступает язык персонажей. Миссис Монтжой пренебрегает одной из четырех максим разговора, которые, по словам философа Х. П. Грися, выражают общий принцип сотрудничества. Четыре максимы в теории разговорной имплицатуры Грися, т. е. дополнительные уровни смысла за пределами семантического значения произнесенных слов, относятся к количеству, качеству, отношению и манере.

Дрожащая от страха рассказчица держится за борт лодки. Ясно, что она нездорова; однако миссис Монтжой задает свой вопрос о самочувствии девушки шутливым тоном. Она пренебрегла максимальной качества, во-первых, задав вопрос, ответ на который очевиден, и,

во-вторых, сознательно квалифицируя и уменьшая свою озабоченность до такой степени, что ее трудно принять за проявление отзывчивости и беспокойства. Мимолетная, поверхностная улыбка, кажется, подрывает смысл вопроса «Чувствуя себя немного больной?», который является прагматически аномальным, потому что он противоречит импликации стандартного качества, поскольку, когда кто-то задает подобный вопрос, принято считать, что он задается искренне и является проявлением заботы. И. Дункан добавляет, что использование намеренно ироничного «немного» служит разоблачением неискренности этого персонажа.

Третье лицо

В обеих версиях повествования есть множество доказательств того, что миссис Монтжой рассматривает служанку как кого-то незначительного, просто горничную, нанятую для помощи на лето. В более поздней версии Монро делает отношение пожилой женщины к своей горничной более функциональным. Говоря о прислуге, миссис Монтжой неизменно использует форму местоимения третьего лица. Это, безусловно, уменьшает человечность субъектов, представляя их как недифференцированную массу, отмечает И. Дункан.

Еще один замечательный пример привычки миссис Монтжой ссылаться на свою горничную как на нечто несущественное, изображен в сцене, когда она помогает своему мужу найти книгу, которую тот потерял. Она подсказывает ему, что он оставил книгу в гостиной. В это время служанка, увидев книгу, с нетерпением просматривает ее. Вошедший за книгой мистер Монтжой застаёт ее за чтением, благодарит за возвращенную ему книгу и замечает, что он считает эту книгу странной («Семь фантастических историй» Исаака Динесена). В этот момент его жена входит в комнату, заявляя: «Нам придется уйти отсюда и позволить ей продолжать пылесосить» (редакция 2006 г.).

В редакции 1994 года миссис Монтжой говорит несколько иначе: «Нам придется уйти отсюда – Эльза должна продолжать пылесосить». В этом изменении текста есть два важных момента, считает Дункан, и оба они служат для обоснования ее утверждения о том, что во второй версии автор акцентирует внимание на желании миссис Монтжой подчеркнуть свое превосходство и проявлении ею грубости.

Прежде всего, читатель заметит, что в более ранней версии истории у повествователя есть имя, которое не сохраняется во второй редакции. И. Дункан утверждает, что эта последующая анонимность имеет особое значение.

Использование местоимения третьего лица в этом речевом событии является показательным. Ситуация складывается из двух собеседников, при этом присутствует третья сторона, о которой говорит один из них. В своем обсуждении общего термина для различных лексических и грамматических особенностей, которые связывают высказывания с контекстами, Лион напоминает нам о точной природе грамматической категории третьего лица по отношению к первому и второму. Он пишет: «Важно отметить, что в драме участвуют только оратор (от первого лица) и адресат (от второго лица). Термин «третье лицо» негативно определяется в отношении первого и второго лиц: он не соотносится с какой-либо положительной ролью участника».

В личных местоимениях современного английского языка британский лингвист Кэти Уэльс рассматривает формы третьего лица и их речевые роли. Она отмечает, что существует много видов общения в различных контекстах, когда роль слушателя разделяется между третьей стороной и адресатом, и что последнего отличает от первого то, что адресат точно знает, что обращаются к нему. В социальном кодексе вежливости, отмечает Уэльс, имя человека предпочтительнее местоимения, когда присутствует референт; когда говорящий нарушает этот кодекс, он может сделать это из-за смущения или, возможно, враждебности. Когда миссис Монтжой относится к своей горничной экзофорически, исключая ее из любой «позитивной роли участника», она нарушает фундаментальную максиму вежливости. И не потому, что она смущена или чувствует себя враждебно, а потому, что она считает девушку неуместной в компании и в разговоре.

Граница пространства

Кроме того, миссис Монтжой стремится установить границу между пространством наемной девушки и пространством своей семьи и гостей. Служанка-повествователь быстро понимает, что, когда она не работает, она не может занимать то же пространство, что и те, кому она служит. Когда она несет свою собственную еду на палубу из кухни, хозяйка указывает ей «Три тарелки там? да, две на палубе, а твоя – здесь». Проксимальный дейксис «здесь» представляет собой хозяйственную, рабочую сферу, в которой находится служанка, сферу, в данном случае, противоположную палубе, где находятся гости. Этот конкретный эпизод, появившийся в версии 2006 года, дополнительно иллюстрирует сложную демаркацию пространства, границу между территориями, которые занимают хозяева или слуги.

Граница класса

В своем разрешенном взаимодействии с десятилетней дочерью миссис Монтжой, Мэри Энн, служанка-рассказчица может выразить свое негодование по поводу этого разграничения. Когда девочка спрашивает служанку о спорте, та отвечает: «Все, кого я знаю, слишком много работают, чтобы заниматься спортом». Рассказы служанки о жизни ее земляков позволили ей дать волю в передаче чувства несправедливости, переживаемого ею из-за обнаруженной пропасти, которая пролегает между ее собственным классом и семьей Монтжой в доступе к богатству и возможностям.

В то время как в более ранней версии рассказчица признает, что ее родной город когда-то, в тридцатых годах, мог похвастаться теннисным кортом и полем для гольфа, в переделанной версии рассказа период более точно назван «депрессией», что указывает на его историческую важность как времени промышленного и финансового упадка. Ссылочный термин «тридцатые годы» не оказывает такого же смыслового и эмоционального воздействия.

Именно для того, чтобы добиться максимального воздействия на юную и впечатлительную Мэри Энн, рассказчица драматизирует и преувеличивает тяготы ее собственного образа жизни. Но она также признает, что другая цель состоит в том, чтобы «прояснить различия» между обстоятельствами ее жизни и обстоятельствами жизни дочери ее хозяйки. Именно это желание отличить один образ жизни (богатство и привилегии) от другого (нищета и лишения) дает свидетельство менее объективное, но более сочувственное по отношению к бедности. В «Нанятой девушке» рассказчица не испытывает чувства стыда или подавленности из-за бедности; наоборот, она выступает против незнания слушателем того, как менее удачливые люди, а именно люди ее класса справляются с лишениями.

Ей удастся стимулировать сознание слушателя. «Это несправедливо», – говорит Мэри Энн, – «Это ужасно. Я не знала, что люди могут есть листья одуванчика». Но потом она прояснилась: «Почему бы им не пойти и не поймать рыбу?». Эквивалентный отрывок в версии 1994 года точно такой же, за исключением одной раскрывающей глагольной фразы: заменяя «прояснилась» на «добавила», Монро делает предложение Мэри Энн похожим на развлекательную игру, где самые творческие идеи награждаются очками за изобретательность. Как бы девочка ни старалась, она не может представить себе такую бедность, которую описывает служанка, потому что это слишком далеко от ее жизненного опыта.

Намерение служанки-повествователя расширить пропасть между двумя классами подтверждается в следующем заявлении, завершающем ее воспоминания о кухне в ее доме: «Казалось, что я должна была защитить его от презрения, как будто я должна была защитить от презрения что-то драгоценное и личное, хотя и едва ли приятный образ жизни. Презрение было тем, что я представляла себе, что всегда ждала».

Соответствующий фрагмент в первой редакции рассказа выглядит следующим образом: «(Мне) казалось, что я должна была защитить его от презрения, что я должна была защитить что-то драгоценное и личное, хотя часто и неприятный образ жизни, от презрения».

Монро внесла важные изменения в свою редакцию. Во-первых, она выделила слово «презрение»: она сделала это, используя риторическую конструкцию, называемую анатип-

лосисом, которая является повторением последнего слова одной части высказывания в начале следующей части. Поскольку нормальная последовательность элементов предложения (субъект-глагол) впоследствии отменяется, слово «презрение», как объект, находится на переднем плане. Действительно, во второй версии внимание несколько отклонено в результате переделки текста. Еще одно изменение стоит комментария – это уточнение источника презрения. В то время как Монро первоначально находит его в «ледяных сердцах людей, таких как Монтжой», во второй редакции она представляет презрение как всепроникающую, скрытую, рефлексивную реакцию.

И. Дункан считает, что изменения, которые Монро произвела в этой сцене, подчеркивают готовность к защите служанки ее собственного класса, принадлежность к которому усиливает ее антипатию к богатым, привилегированным людям. Служанка представлена как более политически мотивированная представительница своей семьи и класса, осознающая достоинство в своей борьбе.

Вокатив

Во взаимодействии рассказчицы с некоторыми гостями семьи Монтжой явно заметно отсутствие в них уважения к человеческому достоинству служанки. Ее общением с мистером Хаммондом обнажает уже знакомый нам вид покровительственного высокомерия. Изменения, внесенные Монро в свой первоначальный текст, усиливают эту снисходительность и пренебрежение. Так, в первой редакции персонаж, войдя на кухню за джином, обращается к служанке как к «Минни», но, после того, как его жена сказала, что это не ее имя, он обращается к ней как к «Эльзе». Во второй редакции повествователь намеренно безымянный; поэтому правильное имя не произносится. Хотя мистер Хаммонд информирован о том, что он ошибся с именем служанки, он продолжает так называть ее. В своих нескольких первых обращениях к служанке он использует неверное имя 5 раз. Более 20 процентов произнесенных им слов, отмечает И. Дункан, состоят из вокативов (форма имени или его замещения для обращения к лицу). Такая высокая доля этих элементов необычна в коммуникации между незнакомыми людьми.

В статье лингвиста Джеффри Лича «Использование и функции вокативов в американском и британском английском языках» дается описание целенаправленного обращения с вокативом в современном английском языке. Д. Лич подразделяет его на семантические категории. Адресная форма «Минни» будет называться «знакомым именем», и это тип, который является преобладающим в лингвистических корпусах, собранных Личем и его коллегами. В своем анализе он отмечает, что обращение по имени «обычно говорит о знакомстве или дружбе». В сцене из анализируемого рассказа повторение имени чрезмерно, и оно используется адресантом, который неизвестен адресату. Сара Миллс в работе «Феминистская стилистика» указывает, что в то время как в первый раз именами собеседники обмениваются на равных условиях, в дальнейшем «те, кто находится в асимметричных отношениях власти, будут использовать дифференциальные модели именования». Такая асимметрия, безусловно, существует в отношениях между молодыми и пожилыми людьми, состоятельным человеком и его подчиненным. И. Дункан отмечает, что Монро во второй редакции изображает характер мистера Хаммонда как более покровительственный и неуместно кокетливый, что усиливает асимметрию.

Повествователь во второй редакции

Комментарий повествовательницы об ее отношениях с миссис Монтжой, ее семьей и гостями представляет собой удивительно точную оценку ее социального статуса в семье. Она не только определяет материальные различия между классом имущих и неимущих, но она также осознает различия в отношении, например, к образованию. Ей странно, что дочь Монтжой

сетует на свои недостаточные умственные способности, в то время как в ее собственном поселке умные, образованные ребята, скорее всего, будут выглядеть подозрительно, и даже могут вызвать пренебрежительное отношение окружающих и быть оскорбленными эпитетом «неженки».

Хотя рассказчица ощущает себя несочетаемой, неуместной в окружающей ее обстановке, чувствуя повсеместное присутствие невысказанного напоминания «Это не для вас», однако она не признает, что считает себя «униженной или одинокой, или что (она) была настоящим слугой». Утверждение, которое она делает в конце повествования, отражает как ее гордость, так и ее пронизательное самоосознание: после размышлений по поводу лицемерия своего поведения по отношению к миссис Монтжой, рассказчица заявляет: «У меня не было ни желания, ни силы духа, чтобы быть слугой». В более ранней версии глагольная фраза предстает в более сокращенном виде только с одной частицей «не». Но в своем отредактированном варианте двойным, словно усиленным и акцентированным «ни» Монро придает заявлению большую значимость, что делает его более веским, даже суммирующим.

Монро видит в этом проявление уверенности в стремлении и в праве на равенство. Уверенность происходит в основном благодаря чувству интеллектуального превосходства рассказчицы над миссис Монтжой, выраженного в начале истории, когда она, увидев название лодки семьи Монтжой, раскрывает свое знание того, кто такая Навсикая, героиня «Одиссеи» Гомера, в то время как миссис Монтжой ошибочно полагала, что это имя «какого-то персонажа Шекспира».

Финал

Обе версии рассказа завершаются сценой в сарае для лодок. В последнее воскресенье пребывания служанки-повествовательницы на острове ее неожиданно посещает мистер Монтжой и приносит ей в подарок книгу «Семь готических сказок». В обеих версиях Монро описывает неловко выраженную благодарность своей героини, а затем ее быстрое принятие того, что, как она чувствует, по праву принадлежит ей.

Во второй редакции рассказа, как считает И. Дункан, Монро несколько смягчает проявленную агрессию рассказчицы, позволяя ей испытать в финале нечто похожее на прощение и примирение. Размышляя о причинах, которые заставили мистера Монтжоя подарить ей книгу, она замечает: «Пьяный или нет, теперь я вижу в его поступке лишь чистый помысел. Это человек, который мог подумать, что я достойна этого подарка. Этой книги».

В финале повествования рассказчица сожалеет о том, что она, будучи допущенной в семью, воспользовалась уязвимостью членов этой семьи. Теперь она способна признать и принять доброту, при этом меньше думая о причинах, стоящих за ней.

Изменения, которые Монро вносит во вторую редакцию «Нанятой девушки», рисуют образ рассказчицы, которая признается, что она не подходит на роль прислуги для других; она считает грубыми и невежественными людей, которые господствуют над ней в силу своей социальной принадлежности. Таким образом, вторая редакция рассказа Элис Монро усиливает критическое звучание повествования и заостряет внимание на его социальном конфликте.

На завершающей курс лекции мы рассмотрим анализ творчества Элизабет Бишоп, осуществленного Бетси Эрскилой с неожиданного ракурса – отражения переломных исторических, социальных и политических моментов современной автору действительности.

Вопросы для закрепления темы:

1. Какую разницу в изображении класса имущих обнаруживает И. Дункан в анализируемых произведениях?
2. Чем отличаются героини ранней и более поздней версий повествования Элис Монро?
3. Что становится предметом критики в рассказах Элис Монро?

Литература:

1. Munro Alice. Sunday Afternoon. – Canadian Forum, 1957 (September).
2. Munro Alice. Hired Girl. – The New Yorker. – 1994. – 11 April.
3. Carrington Udiknde Papp. Controlling the Uncontrollable: The Fiction of Alice Munro. – DeKalb IL: University of Northern Illinois Press, 1989.
4. Leech Geoffrey. The Distribution and Function of Vocatives in American and British English// Out of Corpora: Studies in Honour of Stig Johansson. – Amsterdam: Rodopi, 1999.
5. Lyons John. Semantics. – Vol. 2. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
6. Quirk Randolph, Sidney Greenbaum, Geoffrey Leech, Jan Svartnik. A Comprehensive Grammar of the English Language. – London: Longman, 1990.
7. Ritnstcad Roxanne. Remnants of Nation: On Poverty Narratives by Women. – Toronto: University of Toronto Press, 2001.
8. Wales Katie. Personal Pronouns in Present-day English. - Cambridge: Cambridge University Press, 1996.